

К. Кончаревич

Гимнография на современном сербском языке: лексика, стилистика, интертекстуальность

В статье рассматривается литургическое творчество Сербской православной церкви на современном литературном языке; особое внимание уделяется службам, написанным в XXI в. в процессе канонизации новоявленных угодников Божьих. На примере трех служб — свт. Петру II Цетиньскому, прп. Стефаниде Скадарской и Битольской и прп. Иустину Новому Сербскому — автор демонстрирует возможности современного сербского языка. Среди причин перехода на сербский язык в богослужебных текстах автор называет, во-первых, свежесть, оригинальность, художественную экспрессию и отсутствие стилизации, во-вторых, стремление донести смысл текста до церковного собрания, а также прославить сербских угодников на языке, на котором они говорили, писали и проповедовали. Изучаемые гимнографические тексты имеют в своей основе глубокую связь с наследием прославляемых святых, что проявляется в цитировании и аллюзиях на их тексты, включении характерной для них лексики, особенно авторских неологизмов. Перечисленные характеристики являются стилеобразующими для современных служб, причем голос угодников сливается с «голосом» Церкви и ее учения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гимнография на национальных языках, новые сербские службы, лексические заимствования, стилистические средства гимнографических произведений, «чужое слово» в службе святому.

В 1963 г. Священный синод Сербской православной церкви (СПЦ) одобрил доклад митрополита Загребского и Люблянского Дамаскина Грданичкого о введении сербского языка в богослужение, что было подтверждено и на заседаниях Архиерейского собора 1964 г.¹ Церковнославянский язык за минувшие пять с лишним

1. Об истории инициативы почти столетней давности, связанной с введением сербского языка в богослужение СПЦ, и о полемике «консерваторов» и «новаторов» подробнее см. в: [Кончаревич, 277–306; Мозгов, 111–112].

десятилетий частично остался в литургическом употреблении, в основном из-за того, что «Октоих» и «Минеи» (праздничные и месячные) до сих пор еще не переведены на современный сербский язык. Авторитетное социолингвистическое исследование, посвященное отношению верующих к двум богослужебным языкам, которое было проведено в первом десятилетии нашего века, позволило установить, что современный язык является более предпочтительным прежде всего из-за его понятности и важности для осуществления миссии Церкви [Бајић, 193–393]. Это стало особенно важным начиная с конца 1980-х годов, когда десятки тысяч людей, воспитанных в секуляризованном обществе, вошли в церковь и начали приобщаться к ее жизни. Для того, чтобы они не оказались номинальными православными, которые не понимают, зачем вообще ходить в церковь, если не надо кого-нибудь крестить или отпеть, потребовалось донести до них благую весть Евангелия и священного Предания, запечатленных в богослужениях церкви.

Целесообразность использования современного сербского литературного языка для потребностей церкви отразилась и в богослужебном творчестве, оживившемся с середины 90-х гг. XX в., когда началась волна канонизаций новоявленных святых в роде сербском просиявших, в первую очередь новомучеников и исповедников Православия, от иноверных и безбожников избиенных, а также знаменитых богословов и ревнителей благочестия. Не удивительно, что на церковнославянском языке была создана только одна служба — свт. Николаю Охридскому и Жичскому (по благословению епископа Жичского Хризостома эту службу составила монахиня Евстолия Егорова, а потом она была переведена и на сербский язык)².

Остальные же службы написаны на сербском литературном языке, и этот факт лишний раз подтверждает справедливость тезиса одного из персонажей «Крымских диалогов» прот. Сергия Булгакова о том, что при обязательном сохранении у новых творений церковнославянской формы даже в самых лучших случаях:

Возможно только сознательное и заведомое подражание, стилизация, предполагающая, конечно, особую выучку и мастерство, но, разумеется, ограниченную в возможностях по недостатку лексического материала. <...> А мастеров архаической стилизации становится все меньше, если только

2. См. об этом: [Егорова].

остались. <...> Славянского языка в нашем распоряжении давно уже нет, а только одни его грамматические формы [Булгаков, 233, 235–236].

Разумеется, следует учесть и тот факт, что современным носителям сербского языка церковнославянский язык непонятен. Он далек и потому, что реформой Вука Стефановича Караджича, окончательно победившей в 1863 г., литературная норма была поставлена на диалектную основу (штокавские иекавские говоры западной Сербии, Боснии и Герцеговины с прибавлением некоторых элементов говора Дубровника и, позднее, во-еводинских и шумадийских говоров экавского типа) [Дмитриев, Сафронов]. Таким образом, в сербском литературном языке утратились некоторые грамматические категории, свойственные церковнославянскому языку: действительные причастия, страдательное причастие настоящего времени, двойственное число, абсолютный дательный, винительный с инфинитивом. Но самые значительные перемены произошли в лексической системе, из которой церковнославянизмы оказались почти совсем устранены: так, Вук Стефанович Караджич в своем «Сербском словаре» (1818 г.) оставил лишь 50 [Младеновић, 54], а в переводе Нового завета (1847 г.) 200 слов церковнославянского происхождения [Младеновић, 63]. Напомним, что по некоторым подсчетам (Шахматов, Унбегаун) русская литературная лексика базируется на церковнославянизмах, которые составляют 50–66 % словарного запаса русского языка [Унбегаун, 129–131; Шахматов, 10–18].

Итак, новое богослужebное творчество конца ХХ — начала ХХI в. широко развернулось на современном сербском языке: еп. Афанасий (Евтич) пишет службу прп. Иустину Новому Сербскому; еп. Хризостом (Евич) — службы мчч. Гламочским, Куленвакуфским и Граховским; еп. Николай (Мрджа) — службу нвмчч. Дабробоснийским и Милешевским; иеромонах Димитрий (Плечевич) — службы прп. Зосиме Синаиту, прп. Иакову Новому, прп. Симеону Дайбабскому, св. мученикам Превлакским; монахиня Стефанида (Бабич) — службу обретению мощей Превлакских мучеников и службу прп. Стефаниде Скадарской и Битольской; архим. Иустин (Еремич) — службу прпмч. Рафаилу Шишатовскому; монахиня Олимпиада (Кадич) — службы свт. Петру Второму Петровичу Негошу, пустыннику Цетиньскому и Ловченскому Тайновидцу (канонизация проведена на уровне митрополии Черногорской и Приморской), иконе Богородицы Филермской

и свт. Мардарию Лешанскому и Либертивилльскому (все упомянутые службы официально одобрены к богослужебному употреблению и как таковые вошли в состав двухтомной праздничной Минеи «Сербляк», изданной в 2015 г. [Србљак]). Напомним, что существуют и службы, написанные мирянами Мирко Наничем и Зораном Станчицем, опубликованные на сайте «Новый Сербляк» (www.novisrbljak.parod.ru), из них 10 на сербском языке и 10 на сербском с переводом на церковнославянский язык³; однако следует учесть, что последние службы не вошли в употребление, т. е. не получили официального одобрения Священного синода СПЦ.

Какие преимущества современного языка склонили сербских гимнографов к написанию новых служб на нем? Во-первых, они прекрасно понимали, что на стороне сербского литературного языка — свежесть, оригинальность, художественная экспрессия и что службы, написанные на нем, будут всегда выше подражаний церковнославянской традиции. Во-вторых, они ясно осознавали необходимость уважения потребностей всех молящихся, а не одних «избранников» с богословским и филологическим образованием, их стремления едиными устами и единым сердцем, с полным пониманием смысла текста славить новоявленных угодников Божьих на языке, на котором они сами говорили, писали, проповедовали.

Яркий пример преимуществ сербского литературного языка перед церковнославянским мы видим на примере службы свт. Петру Второму Петровичу Негошу, пустынноику Цетиньскому и Ловченскому Тайновидцу [Кадић]. Святитель Петр Второй Цетиньский (1813–1851) был не только митрополитом и государем Черногорским, но и талантливейшим сербским поэтом эпохи романтизма. Его произведения были написаны не на церковнославянском или гибридном славяносербском, но на чистейшем народном языке, и только для обозначения священных реалий или достижения особого стилистического эффекта он употреблял церковнославянизмы — примерно 1500 слов во всех его поэтических произведениях и переложениях, включая и переводы с древнегреческого, западноевропейских и русского языков [Стијовић, 137–228]. Отметим, что его роль в развитии сербской литературы можно приравнять к роли А. С. Пушкина в развитии русской и что канонизован он не только за свои

3. Полный обзор всех новых служб и акафистов с библиографией печатных изданий см. в: [Левушкина, Станчевич].

заслуги перед церковью и народом, а прежде всего за его поэтическое богословие. Поэтому служба святителю, написанная в 2013 г., начинается так:

Ходите сви вјерни, прославимо *свештеног поету*, чудесног владара и владику, божанственог пастира Цркве, славног *пјесника* Вјечнога Живота, *небесног проповједника* васкрслога Христа, богоугодног страдалника и тихог молитвеника и завапимо: Светитељу Петре Други, Ловћенски Тајновидче, моли Христа Бога да спасе душе наше. (стихира 2-я на *Господи воззвах*)

Приидите все верные, восславим *священно-го поэта*, досточудного государя и владыку, божественного пастыря Церкви, славно воспевшего Жизнь Вечную, *небесного проповедника* воскресшего Христа, богоугодног страдальца и тихого молитвенника, и так возопиим: Святителю Петре Вторый, Тайновидче Ловченский, моли Христа Бога спастися душам нашим⁴.

В ряде мест акцент поставлен именно на его поэтическом творчестве:

Свету бистру воду са Источника Бесмртнога окусивши, сладост си њену у *пјесму излио*, *витешки „Горски вијенац“* од ње си исплео, Христа Богомладенца посвједочио и роду своје страдалноме *пјесмом завјештао* да неућутно слави свога Спаситеља, зато те, Свети Тајновидче, молимо: моли се за нас Господу да спасе душе наше (*стихиры на литии*).

Святую прозрачную воду с Источника Бес- смертного вкусивши, сладость ее ты в *песнопениях излил*, *героический эпос «Горный венец»* из нее сплел, Христа Богомладенца засвидетельствовавши и роду своему стра- дальному *песенным творчеством завещав-ши* неумолчно славить своего Спасителя; потому, Святой Таинниче, взываем: молись о нас Господу, дабы спастися душам нашим.

Слава: Свјетилниче Христов, на свијећњак у Небеском граду постављени, у Цркви Божијој сијаш и са Ангелским хоровима *бес- мртну поезију изливаши* на све који те моле: Светитељу Петре Ловћенски, моли Бога Логоса да просвијетли Својом љубављу све који данас прослављају свети спомен твој.

Слава: Светильниче Христов, на подсвечник в Небесном граде поставленный, в Церкви Божией сияеши и с сонмами ангелов *бес- смертную поэзию изливаеши* на всех, моля- щихся тебе: Святителю Петре Ловченский, моли Бога Логоса просветить своей любовью всех, чествующих ныне святую память твою.

На утрени, канон, песнь 6-я: Молитвом и постом *свету поезију си писао*, Свети Ловћенски Тајновидче, у срца благочестивих

Молитвою и постом *священную поэзию сочи- нял*, Святой Таинниче Ловченский, в сердца благочестивых Имя Христово вписавши,

4. Здесь и далее перевод богослужебных текстов К. Кончаревич. — *Прим. ред.*

Име Христово урезао, покајањем и свеш-
теном ријечју својом засијао нама који ти
вапимо: спаси нас молитвама твојим.

покаянием и священным словом своим
воссиял нам, вопиющим тебе: спаси нас
молитвами своими.

*Песнь 9-я: Божанственным Духом надхнут,
поета сличан Творцу си постао, дјелима
Премудрости Божије људе си даривао,
свједочењем Васкрсења Христовог Васељену
обасјао, моли Бога, Свети Боговидче, да се
спасемо.*

Божественным Духом вдохновленный,
поэтом подобным Творцу стал, творениям
Премудрости Божией людей одарял, свиде-
тельством воскресения Христова вселенную
осиявая, моли Бога, Боговидче святыи, дабы
спастися нам.

Мировидение и мирозерцание поэта выражено в первую очередь в поэме «Луч микрокосма». Поэтому в службе находим ряд интертекстуальных связей с текстом поэмы в форме аллюзий, цитат, заимствования элементов прецедентного текста. Чтобы обозначить эти связи, необходимо познакомить русского читателя с самой поэмой.

Поэма «Луч микрокосма» — несомненно, самое значительное произведение святителя. Выше него, может быть, только — «Горный венец». При всех различиях двух этих произведений их идейное направление близко. Однако в первом Негош в большей степени предстает как правитель, поэт и богослов, во втором — как бескомпромиссный борец за освобождение сербского народа и ожесточенный враг мрачного турецкого царства. В первой поэме поэт собственный мир переносит в космос, а во второй остается на земле, в реальности.

Основная тема «Луча микрокосма» — поиск ответов на вопросы, которые мучают поэта, поиск решений проблем существования мира и смысла человеческой жизни. Поэма проникнута лучшими литературными и философскими традициями, отсылками к фольклору, учениям античных и средневековых философов, но создана она и под непосредственным влиянием естественнонаучных представлений и философских понятий того времени, в котором жил и творил митрополит Черногорский. Несомненно, владыка был знаком со всеми самыми значительными произведениями и исследованиями своего времени. Кроме того, в поэме «Луч микрокосма» исследователи четко прослеживают следы влияния Гомеровского эпоса, произведений Софокла, Вергилия, Данте, Байрона, Клопштока, Мильтона, Ламартина и других [Бошков, 122–130]. Нельзя не упомянуть и о влиянии сербских авторов, например, Симы Милутиновича Сарайлии, учителя владыки, которому и посвящена поэма.

Свое любимое произведение «Луч микрокосма» Негош написал за «первые четыре недели Великого Поста» 1845 г., как он сам говорит в письме Симе Милутиновичу, что подтверждает и его секретарь Медакович, хотя и увеличивает этот срок до шести недель. Произведение написано на одном дыхании, в едином порыве [Бошков, 120].

«Луч микрокосма» — сумма, итог метафизической поэзии Негоша. Итог той поэзии, в которой он выразил свою концепцию человеческой судьбы — в предсуществовании, во время земной жизни и после смерти. Предэкзистенция — время от идеи Бога о создании каждой человеческой души до появления человека на свет. Идеи, выплеснувшиеся в «Луче», в течение долгого времени созревали у поэта, получая все более полную форму во все более выразительных символах и картинах.

Мы можем отметить несколько стихотворений, предшествующих поэме и имеющих схожие с ней идеи и образы. Это стихотворения «Черногорец к Всемогущему Богу» 1833 г., «Верный сын ночи поет похвалу мыслям», «Ода Солнцу» [Решетар, 3–26]. Но особое внимание нам следует уделить стихотворению «Мысль», очень близкому по своим основным идеям к поэме «Луч микрокосма». Из стихотворения следует, что человеческая мысль — «частица огня бессмертного», которая открывает человеку «все чудеса Божьи», возносит его до «мира, от которого все миры произошли» и низводит его «в бездну Тартара». Поэт в «Мысли», так же как и в Посвящении «Луча», размышляет об отношениях человеческого духа и тела. В самом начале стихотворения «Мысль» поэт говорит (параллельно приводим сербский текст и перевод на русский язык Е. В. Хлюпиной):

Пламен божествени у ништавом храму,
Каква те је судба у њему зажегла?
[Негош, 3].

Огонь божественный в ничтожном храме,
Какая судьба тебя в нем зажгла?
[Хлюпина, 87].

Как мы знаем, это предмет «Луча» — дуализм в человеке. И далее он уточняет свой вопрос:

Али си тијелу вечно мученије,
Али тијело теби времена тавница?
Таинствени закон какав вас сједиња?
[Негош, 3]

Или ты для тела вечное мученье,
А тело для тебя временная темница?
Какой таинственный закон вас соединяет?
[Хлюпина, 88].

В этом стихотворении также встречаются очень похожие места с «Лучом» — поэт описывает свой путь через сферы к престолу Всемогущего:

Колико сам путах твојим огњем светим
Опит тумарао по плавој пустињи
Тражећ престол сјајан оца вечитости;
У томе полету безбројна сам сунца,
њина созвездија налазио свуда...
[Његош, 9].

И:

Колико сам и колико путах
свод плаветни неба свештенога,
брилијантним засијат сјеменом,
заклињао душом запаљеном
да ми свету открије таину...
[Његош, 10].

Сколько же я скитался, освященный святым
огнем Твоим,
Блуждал по голубой пустыне,
Ища сияющий престол Отца вечности;
И в полете этом бесчисленные звезды,
Их созвездия встречал везде...
[Хлюпина, 88].

Сколько же, сколько скитался я
По голубому своду неба священного,
Усеянному семенами алмазов,
Заклинал его духом горящим,
Чтоб открыл мне святую тайну...
[Хлюпина, 87].

Но самое интересное, на наш взгляд, в этом стихотворении, это те несколько строк, которые полностью объясняют нам название поэмы:

Ах, мисли свештена, слатка пишто душе,
Тим е увјераваш, увјераваш јако,
Да честица јеси огња бесмртнога
Да имадеш својства са оцем свијетах,
Јер како он исто у бесконачностима
Што свештеном мишљу створи план
битности
И рече јој буди и роди се биће,
Тако исто и ти у маломе кругу
Подражајућ свјету од ког си истекла...
[Његош, 11].

Ах, мысль священная, сладкая пища
духовная,
Ты убеждаешь меня, убеждаешь сильно,
Что ты частица огня бессмертного,
Что у тебя общие свойства с Отцом миров,
Ведь, так же, как Он в бесконечности,
Священной мыслью сотворил план бытия,
И сказал ему — «будь», и родилось бытие,
Точно так же и ты, только в малом круге
Подражая миру, из него излившись,
Творишь совершенно... [Хлюпина, 89].

Название «Луч микрокосма» интерпретировали по-разному. Но большинство исследователей склоняются к мысли, что луч — это человек, а микрокосм — наш мир [Бошков, 123]. Однако из этих строк мы ясно видим, что Негош называет микрокосмом,

или, как здесь, «малым кругом», или, как в других строках, «ничтожным храмом» — человека. А луч, божественная искра, «частица бессмертного огня» — это мысль, ум, душа в человеке — в микрокосме.

Для того, чтобы приблизить к читателю сюжет поэмы с целью выявления ее богословских и поэтических достоинств, приведем основные данные о содержании ее композиционных элементов⁵. Поэма начинается с *Посвящения* Симе Милутиновичу, которое можно рассматривать как пролог и составную часть поэмы, и в котором П. П. Негош сразу определяет предмет своих интересов. Здесь он и формулирует свои многочисленные философские и метафизические вопросы, а особенно акцентирует вопрос о происхождении зла, несчастья и страданий в человеческой жизни. Появляется мысль о том, что у человеческой души была еще одна, предыдущая, бестелесная жизнь и что из-за какого-то прегрешения она была изгнана из духовного мира и заключена в материальную, телесную форму:

Човјек изгнат за врата чудествах...

<...>

...он се сјећа прве своје славе,
он снијева пресретње блаженство...

[*Негош*, 9].

За врата чудес людей изгнали...

<...>

...вспомнится ему былая слава
и блаженство первое приснится...

[*Негош*, 2].

Поэма разделена на шесть песней.

В первой песни святитель обращается к своей душе с просьбой ввести его в тот мир, где он мог бы познакомиться с историей создания и развития мира и человеческой души. Душа как бестелесная идея откликается на его просьбу:

Ја сам твоја искра бесамртна,
рече мени свијетла идеја,
водићу те к вјечноме огњишту
од којег сам и ја излећела... [*Негош*, 15].

Я и есть в тебе бессмертья искра, —
говорит мне светлая идея. —
К вечному снесу тебя огнищу,
от которого я прилетела... [*Негош*, 10].

Душа ведет поэта к высшему миру. После восхождения через шесть подвижных и шесть неподвижных небес поэт приближается к центральному небу, «святилищу существа», месту, из которого

5. На русском языке наиболее подробный обзор поэмы находим в работе [*Хлюпина*].

го Господь правит и создает законы природы. В непосредственной близости к Божьему престолу душа поэта смущена, обессилена, но, в то же время, поражена сиянием и совершенством «мирового очага». Тогда ей на помощь приходит ангел-хранитель, ободряет ее, а потом показывает место, где находится центр, исток мира, также ангел показывает ей и ад, где сконцентрированы все силы зла, там находится Сатана и его преемники.

Во второй песни описывается, как ангел-хранитель дал возможность поэту непосредственно познать структуру неба. Потом перед поэтом открывается и метафизическая структура неба. Это идеи, прикрепленные к кристальному небесному шатру, а между ними время, вечность, поэзия.

В третьей песни душа, по наставлению ангела-хранителя, напивается воды из небесного источника. После этого она погружается в состояние воспоминания и сверхъестественного созерцания событий далекого прошлого. Поэт в одно мгновение видит историю творения и человеческое состояние в предсуществовании. Он видит Самого Бога, занятого творением новых миров. Потом к Божьему престолу приходят архангелы Михаил и Гавриил. Им Бог открывает тайну плана Сатаны, и они узнают, что за ним последовали многие ангелы и Адам, соблазненные обещаниями Сатаны.

Четвертая песнь рассказывает о попытке архангелов Михаила и Гавриила отговорить Сатану от предательства. Но Сатана отказывается от их предложения.

В пятой песни представлена жестокая битва бунтарей и верных ангелов и окончательное разрешение драмы. После своей победы ангелы изгоняют с небес Сатану и остальных предателей.

В шестой, последней, песни Бог принимает решение наказать Адама и его сторонников за непослушание. Он творит для них, т. е. для всего человечества, меньший мир, соответствующий их грехам. Давая первым людям телесный облик, Он отнимает у них память о предсуществовании. Все-таки, учитывая покаяние Адама, Он не оставляет человеческий род без будущего. Кроме многочисленных физических страданий — за их грех, в знак Своего благоволения Бог оставляет человеку свободу выбора и способность отличать добро от зла.

Поэт верил в Бога, средоточие Которого свет, а деятельность — поэзия. Эта поэзия, эта Божья деятельность очевиднее всего проявляется в природе. Все, что существует в природе, так как существует в совершенном порядке и гармонии, — это поэзия Бога — Поэта над поэтами.

По Негошу, жизнь, существующая в природе, — первый дар Божий. То, что делает природу прекрасной, кроме жизни, — это свет. Это второе чудо природы, которое идет через жизнь. Для Негоша красота неотделима как от жизни, так и от света. Свет — очень частый образ в интересующей нас поэме:

Истргни се, искро божествена,
из наручја мрачне владалице,
подигни се на свијетла крила,
распали се пламом бесмртности,
скини мене са очих мојијех
непрозрачну смртности завјесу,
тупе моје отргни погледе
од метежа овог ништожнога,
уведи их у поља блажена [Негош, 14].

О бессмертья искра, вырвись к свету
из застенков роковой темницы,
воспари на легких крыльях света,
с вечной жизнью пламенной слейся;
с глаз моих ты убери завесу,
непрозрачный смертоносный полог;
взоров мысленных пусть не коснется
безрассудство мятежа людского —
устреми их ввысь, к полям блаженства
[Негош, 9].

Изображая душу, в начале поэмы он пишет:

Душа људска јесте бесамртна,
Ми смо искра у смртну прашину,
Ми смо луча тамом обузета [Негош, 9].

...Душа бессмертна человека,
в смертном прахе спрятанная искра.
Мы лучи, охваченные тьмою [Негош, 5].

Негош стремится к свету, к Божьему свету. К свету не сотворенному, а исходящему от Того, Который спасает. Негош стремился к Богу всю свою жизнь, желая обитать в незаходящем свете.

Итак, служба величайшему сербскому поэту корреспондирует с целым рядом его стихов. Голос поэта таким образом сливается с «голосом» Церкви и ее учения, а его мировидение и мирозерцание становятся продолжением процесса Божественного Откровения. Так, заключительная строфа поэмы «Луч микрокосма» является исходной точкой кондака святителю. Прочитируем кондак на сербском языке (все текстовые реминисценции и прямые заимствования выделены курсивом):

*Кондак, глас 6: Великомучеништво
живота својега/ гроба твога Ловћенскога
Петре Цетињски Боговидче,/ Свештено-
служителу Олтара Свесветија,/ Ваистину
посвједочио јеси/ Да васкрсења не бива
без смрти./ Зато заједно са тобом,*

Великомученическим житием и попра-
нием могилы твоей на горе Ловченской,
Петре Цетинский Чудотворче, Священно-
служителу *всесвятаго алтаря*, воистину
ты засвидетельствовал, что *воскресения
без смерти не бывает*; поэтому вместе

огњеним поетом/ појемо химну бо-
жаствену/ Богу Слову Предвјечнога
Оца/ у челољечество обученом,/ из
гроба вјечном свјетлошћу засијалом:/
О Преблагџ, Тихи Учителју/ Слатка ли је
света бистра вода/ Источника Твога бес-
мртнога!/ Од Твога су св'јетлога погледа/
Уплашене мраке ишчезнуле/, Од Твога су
хода свештенога/ Богохулни срушени ол-
тари/ Васкрсењем смрт си поразио/ Небо
Твојом хвалом одјекује/ Земља слави свога
Спаситеља.

с тобой, огнезрачным поэтом, воспеваем
гимн Богу Слову Превечного Отца, в чело-
вечество облеченному, из гроба светом веч-
ным воссиявшему: О Учитель, преблагий и
тихий! Сладка чистая вода святая с дивно-
го источника бессмертья! Под пресветлым
кротким Твоим взглядом расточился мрак
и скрылся где-то. Алтари хулительные
пали, смерть Ты поразил, воскреснув к жиз-
ни, небо славою Твоей святится, и земля
Тебя, Спаситель, славит!

Нетрудно здесь заметить прямую, практически полнотексто-
вую цитату —

О преблагџ, тихи учителју,
слатка ли је света бистра вода
с источника твога бесмртнога!
Од твога су св'јетлога погледа
уплашене мраке ишчезнуле,
од твога су хода свештенога
богохулни срушени олтари;
воскресењем смрт си поразио,
небо твојом хвалом одјекује,
земља слави свога спаситеља!
[Његош, 35].

которая в переложении Олега Мраморнова звучит так:

О Учитель, преблагџий и тихий!
Сладка чистая вода святая
с дивного источника бессмертья!
Под пресветлым кротким Твоим взглядом
расточился мрак и скрылся где-то.
Ты пришёл на гибнущую землю?
Алтари хулительные пали,
смерть Ты поразил, воскреснув к жизни,
небо славою Твоей святится,
и земля Тебя, Спаситель, славит!
[Негош, 50].

В ряде стихир на великой вечерне и тропарей канона на утрене мы находим усеченные, или редуцированные цитаты, например:

Пјесниче Духа Живота вјечног, Светим Петром Цетињским благословени, уским путем Христовим кроз живот си ходио, Отачество своје од злога си бранио, поезијом својом Христа прославио, у *Сабору Свесветија* Божанствену Литургију свештенослужио, молитвом и покајањем Царство Небеско у себе си уселио, вијенцем посмртнога мучеништва увјенчан, Христу Богу си призвао све који те поштују.

Слава: Богоносни Петре Ловћенски Тајновидче, искром Божанскога огња просвијетљен, у свјетлости богопознања си живио, *к'о пустињак међ' људима ходио*, смјерно пастирски жезал носио, правду и милост у роду свом утврдио, од народа вољени владар си био, узвишеном поезијом Господа прославио, *адску злобу Крстом Христовим победио* и у бесмртне хорове се уселио гдје предстојаваш за све који са љубављу славе свети спомен твој.

Тешко се смртноме „у полет пуштати на лађици крила распетијех“, но те правда руком Творца освештана, које је име свуда свето, уздигла у Божанске висине, и дотакла дубине срца твог, Господу распјеваног, да са крста појеш: „*Васкрсења не бива без смрти!*“

Удар нађе искру у камену, Божја искра из тебе засија, да запојеш „*пјесму од ужаса*“ и откријеш вјечну Славу Божију, да *опјеваш Величанство Творца*, надахнеш се Превјечном љубављу.

Песнотворче Духа Живни вечной, Святым Петром Цетиньским благословенный, узким путем Христовым всю жизнь ты ходил, Отечество твое от зла сохраняя, поэзией твоей Христа прославил, в *Соборе Всесвятом* Божественную Литургию священнослужил, молитвой и покаянием Царство Божие в себе водворил, венцом посмертного мученичества увенчанный, ко Христу Богу ты призвал всех, чтущих тебя.

Слава: Богоносный Петре Цетиньский Таинниче, искрой Божественного огня просвещенный, в свете богопознания ты пребывал, *пустынником среди людей живя*, со смирением жезл пастырский держа, правду и милость в роде своем утверждая, любимым государем в народе слыл, возвышенной поэзией Господа ты восславил, *адскую злобу Крстом Христовым ты победил* и бессмертным сонмам приобщился, где предстоишь за всех, с любовью чтущих святую память твою.

Трудно земнородному «*в убогом челноке отправляться в открытое море*», но правда, десницею Божию освященная, Имя которого свято, тебя возвысила до небес и дотронулась глубин сердца твоего, Господу поющего, чтобы ты с креста так взывал: «*Воскресения без смерти не бывает!*»

Удар в камне искру вызывает; искра Божия из тебя воссияла, чтоб ты воспел «*песнь неслыханную*» и *раскрыл вечную славу Творца*, возвеличил Величие Его, вдохновился Предвечной любовью.

Итак, если черногорцы и по сей день горят духом от ярких и понятных для них поэтических речений Святителя, было бы поистине странно слышать их в храме на малопонятном церковнославянском языке.

Второй пример — служба прп. Стефаниде Скадарской и Битольской (1887–1945), творение монахини Стефаниды Бабић [Бабић]. В ее основу легли дневниковые записи подвижницы, ее молитвы, к которым с глубоким почтением относятся в широком кругу верующих. Они написаны самым простым языком с присутствием элементов из зетских говоров, но это нисколько не умаляет их силу: напротив, будь они написаны по-церковнославянски, в них не было бы такой непосредственности и искренности. Поэтому в службе, написанной в 2011 г., гимнографический текст соприкасается с оригинальными записями преподобной, например:

Тропарь, глас 8-й: Кћери тишине/ главу твоју венац нетљени краси/ Христа љубљеног Женика твога./ Њему се од детињства сва предајући/ небеску мудрост си задобила/ и схвативши трулеж и сујету света,/ Њему си се, Стефанидо, свим срцем и крвљу приљубила, појући: „Па нека се чини што год хоће на овоме свијету,/ нека се обрће — преврће, // мене с Христом нико раставити неће“.

Кондак, глас 8-й: Богомудра мати преподобномученице Стефанида/ језик вечности заволевши,/ и трулежна уста своја затворивши,/ ти боголику душу своју испуни/ сладошћу тајног разговора са Христом,/ једином утехом и љубављу твојом,/ исповедајући: „Оволико са Христом живим/ колико са Њим слатко разговарам“.

Дочь тишины, глава твоя венцом нетленным увенчана — венцом Христа, возлюбленного Женика твоего. Ему с детства всецело предалась, небесную мудрость стяжавши, и суету мирскую презревши, всем сердцем и кровию к Нему ты притекла, поюще: «Пускай все в этом мире делается по безумию людскому, пускай все кружится во мгле и утопает, но меня ничто со Христом не разлучит».

Богомудрая мати, преподобномученице Стефанидо, язык вечности возлюбила и телесные уста свои ты замкнула, чтобы богоподобную душу свою наполнить сладостной таинственной беседой со Христом, единственным утешением и единственной любовью твоей, исповедуя: «Я настолько со Христом живу, насколько с Ним сладостно беседую».

Служба преподобной характеризуется обилием цитат: в стихирах на великой вечерне они приводятся 16 раз, а в тропарях канона 14 раз. Дело не только в объеме ее записей (328 страниц), но прежде всего в потрясающей силе и глубине ее молитвенного

чувства и опытного познания Господа. Поэтому не удивительно, что некоторые стихиры помимо цитат не содержат сопровождающего текста гимнографа, например:

Стихира на стиховне 2-я: Благослови све у мени и око мене/ да будем готова за тебе!/ Да будем сва Твоја/ и Ти све моје, Господе!/ Нека се испуни воља Твоја, / то је небесна жеља моја!

Благослови все во мне и вокруг меня, чтобы я была готова к общению с Тобой! Я хочу полностью быть Твоей, Господи; Ты — все достояние мое! Да будет воля Твоя — это небесное желание мое!

Песнь 8-я канона, тропарь 3-й: Кад се угледам на Христову велику муку, на Његово дуготрпљење и на Његову доброту и мудрост — више ми ништа не треба. Но ја не могу грешни и ништавни живот покајати и покорити колико Христу треба.

Когда я зрю (взираю) на безмерные страдания Христовы, на Его долготерпение и на Его превеликую доброту и мудрость — не надо мне решительно ничего. Но я не в состоянии достаточно раскаяться в своей грешной и ничтожной жизни и приобщиться ко Христу сколько надлежало бы.

И наконец, обратимся к службе прп. Иустину Новому Сербскому (1896–1979), видному богослову, первому переводчику Божественной литургии свт. Иоанна Златоуста на сербский литературный язык (этот перевод был сделан еще в 1922 г.) [*Букашиновић, 119–136*]. Служба прп. Иустину написана одним из его духовных чад, еп. Афанасием (Евтичем), который имеет крупнейшие заслуги в деле подготовки к публикации собрания сочинений великого подвижника и который вошел в специфику его языка и стиля до мельчайших подробностей. Для этой службы, написанной в 2010 г. [*Јевтић*], характерно обилие неологизмов прп. Иустина. Так, в тропаре, глас 8-й, читаем:

Православља сладост, нектар премудрости, / Оче Преподобни, / излио си у срца верних као богатство, / животом својим и учењем / показао се јеси жива књига Духа, / Јустине Богомудри, / моли Христа Бога / да ологоси све који те поштују.

Православия сладость, нектар премудрости излил ты в сердца верных преизобильно; жизнью своей и ученьями ты показался живою книгой Духа, Иустине богомудрый, моли Бога Логоса ологосить всех, чтущих тя.

Ологосити — типично иустиновский неологизм, так же, как и *оврлинити* — лексема, употребленная в кондаке:

Богочовечно живот свој си *оврлинио*,/
мерило свега имао си Богочовека,/
достигао си Њиме висину богословља;/
сада Њиме на сву вечност наслађујеш се./
Дај нам благодат твојим светим молитвама./
с вером кличућим:/ Радуј се, оче богомудри!

Богочеловечно жизнь свою добродетельми
ты *преукрасил*, все измерял Богочеловеком,
ныне Им на всю вечность наслаждаешься,
ниспосли благодать своими молитвами
нам, взывающим к Тебе с верою: Радуйся,
отче богомудрый!

В тексте служб встречается немало неологизмов: *заједничар* (русс. «сообщник») (стихира на «Господи воззвах» 1-я и на стиховне 1-я); *тајник* (таинник) (стихира на «Господи воззвах» 2-я и 4-я), *сапоштовати* (счествовать) («Ходите заједно сапоштујмо, сва мноштва православних, Јустина Новог Богослова...» — стихиры на «Господи воззвах» 2-я); *равностојећи* (равностоящий) («Златоусту равностојећи» — стихира 1-я на литии); *христоточан* (христоточный) («и поток постаде христоточан божанствене речи» — стихира 3-я на литии); *надбожански* (пребожественный, сверхбожественный) (3-я стихира на стиховне); *богородници* (аналогия с лексемой *сродници* — русск. «родственники»: и «богородници по благодати постанемо» — стихира по 50-м псалме); *страночувен* («страночувен је живот твој» — «чудно известна жизнь твоя» — канон, песнь 3-я); *христообожее* (христообожение) («свима пут свети христообожења указујући» — седален преподобного); *свемудро* (всемудро) (канон, песнь 5-я, тропарь 2-й); *свебудни* (канон, песнь 5-я, тропарь 3-й); *саборник* (соборник) («саборниче богослова Цркве», кондак); *христонарав* (христонравие) («објављујеш христонарав Светих» — кондак); *тешител* («поставши највећи тешител народу твоме» — песнь 8-я, тропарь 1-й); *богоруће* (богопылающий) («ум христалик, срце богоруће» — канон, песнь 9-я, тропарь 1), *удеоник* (общник) (там же); *негубљиво* (непотеряемое) («богатство негубљиво» вм. обычного «непропадљиво» — песнь 9, тропарь 3-й); *свезлатни* (всезлатный) (богородичен после светильна); *светителюлупци* (святителелюбцы) («светителюлупце си надахнуто руководио» — хвалитные стихиры, слава:), *свесаборни* (всесоборный) («за Цркву свесаборну», там же). Таким образом, служба преподобному отражает главную специфику его стиля, замеченную всеми исследователями лингвистических и поэтических особенностей творчества великого богослова, проповедника, автора молитв, переводчика сакральных текстов⁶.

6. См. подробнее: [Кончаревић, 265–274; Никитовић].

Итак, более чем 50-летний опыт Сербской церкви убедительно показывает, что с введением современного языка в православное богослужение возродился творческий дух, который должен быть неотъемлемой частью гимнографии. Верующие, благодаря отсутствию языкового барьера, сегодня полностью воспринимают и дидактическую направленность, и экспрессивно-эмоциональную окраску служб, которая создается обилием образительно-выразительных средств, таких как лексические контактные и дистантные повторы, синтаксический параллелизм, антитезы, сравнения, эпитеты, а также концентрации стилистически окрашенных лексем. Вместо однообразных, шаблонных материалов и ремесленного отношения к гимнографии, при воцерковлении литературного языка возможно беспрепятственное веяние Духа, возрождение живого религиозного чувства в широких кругах верующих и поднятие уровня литургической культуры среди наших современников. Для достижения успеха сербизации богослужения требуется еще завершить переводы богослужебных книг за исключением Минеи, но хочется верить, что и это трудоемкое дело, при наличии квалифицированных специалистов и современной дигитальной технологии, будет завершено в обозримое время.

Источники

1. *Јевтић* = Преподобни Јустин Нови Ђелијски : Житије, служба, акатист, чуда, избор текстова / Ред. А. Јевтић. Ваљево : Манастир Ђелије, 2009. 96 с.
2. *Бабић* = Бабић С. Преподобна Стефанида Скадарска и Битољска : «Христе, мој животу» : Биографија, служба, акатист. Подгорица : Манастир Ђелија Пиперска, 2011. 150 с.
3. *Егорова* = Егорова Е. Святитель Николай Жичский : Служба — Житие — Житије. Осташков : Цветослов, 2013. 78, [1] с.
4. *Кадих* = Кадих С. Свети митрополит Петар други, Цетињски Пустиняк и Ловћенски Тајновидац : Житије, служба и акатист, Цетиње : Митрополија црногорско-приморска, 2017. 62 с.
5. *Негош* = Негош Петар II Петровић. Новые переводы : «Луч микрокосма», «Самозванный царь Степан Малый» / Пер., коммент. О. Мраморова. Москва : Ridero, 2018. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31726463 (дата обращения: 02.04.2020).

6. *Његош* = Његош Петар II Петровић. Луча микрокозма. Сабрана дела. Књ. III. Београд : Просвета, Цетиње : Обод, 1975. 377 с.
7. *Србљак* = Србљак : В 2 т. Добрунска Ријека : Митрополија Дабробосанска, 2015.

Литература

1. *Бајић* = Бајић Р. Богослужбени језик у Српској православној цркви : (Прошлост, савремено стање, перспективе). Београд : Институт за српски језик САНУ, манастир Бањска, 2007. 413 с.
2. *Бошков* = Бошков Ж. «Луча микрокозма» и руски превод «Изгубљеног раја» // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза : Прва половина XIX века / Уред. М. Стојнић. Нови Сад : Матица српска, 1980. С. 120–136.
3. *Булгаков* = Булгаков С. Н. У стен Херсониса // Символ. 1991. № 25. С. 169–334.
4. *Вукашиновић* = Вукашиновић В. Српско богослужење : студије из литургијске теологије и праксе код Срба. Врњачка бања : Епархијски управни одбор Епархије жичке, 2012. 254 с.
5. *Дмитријев, Сафронов* = Дмитријев П. А., Сафронов Г. И., Вук С. Караджич и его реформа сербохорватског/хорватскосербског литературног јазыка. Л. : Изд. ЛГУ, 1984. 107 с.
6. *Кончаревић* = Кончаревић К. Језик и православна духовност: студије из лингвистике и теологије језика. Крагујевац : Каленић, 2006. 463 с.
7. *Левушкина, Станчевич* = Левушкина Р. С., Станчевич З. А. Сербское гимнографическое творчество конца XX — начала XXI в. // *Fontes Slavicae Orthodoxae*. 2017. № 1. С. 31–41.
8. *Мозгов* = Мозгов К. А. Значение литургического языка для участия церковного народа в богослужении // Свет Христов просвещает всех : Альманах СФИ. 2018. Вып. 27. С. 105–118. DOI: 10.25803/SFI.2018.27.18480
9. *Младеновић* = Младеновић А. Улога рускословенског језика у формирању српског књижевног језика новијег периода // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 2013. № 1. С. 45–64.
10. *Никитовић* = Никитовић З. Сложенице у Философским урвинама оца Јустина (Поповића) // Српски језик. 2009. №. 14. С. 557–583.
11. *Решетар* = Решетар М. Мање пјесме владике црногорског Петра II-га Петровића Његоша. Београд : Издање аутора, 1912. XXIV, 221 с.
12. *СТИЈОВИЋ* = Стијовић С. Славенизми у Његошевим песничким делима. Сремски Карловци : Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1992. 254 с.

13. *Унбегаун* = Унбегаун Б. О. Язык русской литературы и проблемы его развития // *Revue des Études Slaves*. 1968. Т. 47. Fasc. 1–4. Р. 129–134.
14. *Хлюпина* = Хлюпина Е. В. Луч микрокосма владыки Петра II Петровича Негоша // Роль славянской молодёжи в процессе устойчивого цивилизационного развития : История культуры славян в оценках молодёжи / Ред. И. И. Калиганов. М. : Государственная академия славянских культур, 2011. С. 86–95.
15. *Шахматов* = Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка : Учебник для вузов. М. : Юрайт, 2019. 235 с.

X. Koncharevich

Hymnography in the modern Serbian Language: Lexicon, Stylistics, Interculturality

The article deals with the practice of the liturgical work in the Serbian Orthodox Church as presented by the modern Serbian literary language; special attention has been given to the services that are written in 21st century in the process of canonization of the newfound saints of God. On the example of three services (the services devoted to the Saint Peter II Cetin'ski, Rev. Stefanida Skadarska and Bitol'ska, and Rev. Justin the New Serbian) author demonstrate the possibilities of the modern Serbian language. Among the reasons for the transition to the Serbian language in the liturgical texts, the author names, firstly, freshness, originality, artistic expression and the lack of stylization, and secondly, the desire to convey the meaning of the text to the church meeting, as well as to glorify the Serbian saints in the language in which they spoke, wrote and preached. The studied hymnographic texts are based on a deep connection with the heritage of the glorified saints, which manifests itself in quotations and allusions to their texts, the inclusion of their characteristic vocabulary, especially the author's neologisms. The listed characteristics are style-forming for modern services, and the voice of the saints merges with the "voice" of the Church and its teachings.

KEYWORDS: hymnography in national languages, new Serbian services, lexical borrowings, stylistic features of hymnographic work, "someone else's word" in the services of saints.

References

SOURCES

1. Evtich A. (ed.) (2009). *Prepodobni Iustin Novi Cheliiski. Zhitiie, sluzhba, akatist, chuda, izbor tekstova* [Venerable Father Justin of Ćelije. Biography, service, akathist, miracles, selection of texts]. Manastir Cheliie, Valievo (in Serbian).
2. Babich S. (2011). *Prepodobna Stefanida Skadarska i Bitol'ska : "Christe, moi zhivotu" : Biografija, sluzhba, akatist* [Venerable Stefanida Skadarska i Bitol'ska : "Jesus Christ, my Life"]. Podgoritsa : Manastir Cheliia Piperska (in Serbian).
3. Egorova E. (2013). *Sviatitel' Nikolai Zhichki : Sluzhba — Zhitiie* [Saint Nikolai Zhichki : Service — Biography]. Ostashkov : Tsvetoslov (Church Slavonic, Russian and Serbian).
4. Kadich S. (2017). *Sveti mitropolit Petar Drugi, Tsetin'ski Pustiniak i Lovchenski Tainovidats : Zhitiie, sluzhba i akatist* [Saint metropolitan bishop Peter II, the Hermit of Tsetin'e and the mystic of Lovchen : Biography, service and akathist]. Tsetinie : Mitropolia tsrnogorsko-primorska (in Serbian).
5. Petar II Petrovich Niegosh (2018). *Novye perevody : "Luch mikrokozma". "Samozvanyi tsar' Stepan Malyi"* [New translations : "The Ray of the Microcosm" . "Self-proclaimed emperor Stephen the Small"]. O. Mramornov (Transl., comm.). Moscow : Ridero, available at: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31726463 (02.04.2020) (in Russian).
6. Petar II Petrovich Niegosh (1975). *Sabrana dela* [Collected works], part III: *Lusha mikrokozma* [The Ray of the Microcosm]. Beograd : Prosveta, Tsetinie : Obod (in Serbian).
7. *Srbliak* [Services to the Serbian Saints], v. 1–2. Dobrunska Rieka : Mitropolia Dabrobosanska, 2015 (in Serbian and Churchslavic).

LITERATURE

1. Baiich R. (2007). *Bogosluzhbeni ezik u Srpskoj pravoslavnoj crkvi : (proshlost, savremeno stan'e, perspektive)* [The Language of Liturgy in the Serbian Orthodox Church : the Past, the Present, and the Future]. Beograd : Institut za srpski jezik SANU, manastir Ban'ska (in Serbian).
2. Boshkov Zh. (1980). „Lucha mikrokozma i ruski prevod Iygubl'enog raia“ [“The Ray of the Microcosm and the Russian translation of “The Lost Paradise”], in: M. Stoinich (ed.). *Prilozi prouchavanju srpsko-ruskih kniizhevnih veza. Prva polovina XIX veka*. [Contributions to the study of the

- Serbian-Russian literary connections. The first half of the XIX century]. Novi Sad : Matitsa srpska, pp. 120–136 (in Serbian).
3. Bulgakov S. N. (1991). “Next to the walls of Chersonissos”. *Simvol*, 1991, n. 25, pp. 169–334 (in Russian).
  4. Chliupina E. V. (2011). “‘Luch mikrokozma’ vладыki Petra II Petrovicha Niegosha” [“The Ray of the Microcosm” of the bishop Peter II Petrovich Niegosh], in I. I. Kaliganov (ed.). *Rol’ slavianskoj molodioshi v processe ustoičivogo tsivilizacionnogo razvitiia: Istorija kul’tury slavjan v otsenkakh molodioshi* [The role of the Slavic youth in the process of a continuous civilizational development: The history of the Slavic culture from the perspective of young people], Moscow : Gosudarstvennaia akademiia slavianskih kul’tur, pp. 86–95 (in Russian).
  5. Dmitriev P. A., Safronov G. I. Vuk S. (1984). *Karadzhič i iego reforma serbohorvatskogo/horvatsoserbskogo literaturnogog jazyka* [Karadzhič and his reform of the Serbo-Croatian literary language]. Leningrad : LGU Publ. (in Russian).
  6. Koncharevich K. (2006). *Iezik i pravoslavna duhovnost: studii iz lingvistike i teologii iezika* [Language and the Orthodox spirituality: studies from the linguistics and theology of language]. Kraguievac : Kalenich (in Serbian).
  7. Levushkina R. S., Stanchevich Z. A. (2017). “Serbskoie gimnograficheskoie tvorchestvo konca XX — nachala XXI v.” [“The Serbian hymnographic work of the end of the 20th century and the beginning of the 21st century”]. *Fontes Slavicae Orthodoxae*, 2017, n. 1, pp. 31–41 (in Russian).
  8. Mladenovich A. (2013). “Uloga ruskoslovenskog iezika u formiranju srpskog kn’izhevnoeg iezika noviiieg perioda” [“The role of the Russian-Slavic language in creation of the Serbian literary language of the new era”]. *Zbornik Matitse srpske za filologiju i lingvistiku*, 2013, n. 1, pp. 45–64 (in Serbian).
  9. Mozgov K. A. (2018). “The Significance of Liturgical Language for Engaging Church People in Worship”. *The Light of Christ Enlightens All : Academic periodical of St. Philaret’s Christian Orthodox Institute*, 2018, n. 27, pp. 105–118 (in Russian). DOI: 10.25803/SFI.2018.27.18480
  10. Nikitovich Z. (2009). “Složhenitse u *Filosofskim urvinama* ota Iustina (Popovicha)” [“Compounds in the Philosophical Abysses of father Iustin Popovich”]. *Srpski iezik*, 2009, n. 14, pp. 557–583 (in Russian).
  11. Reshetar M. (1912). *Manje pjesme vладыke tsrnogorskoga Petra II-ga Petrovicha Niegosha* [The smaller poems of the Montenigrian bishop Peter II Petrovich Niegosh]. Beograd : Reshetar Publ. (in Serbian).
  12. Sachmatov A. A. (2019). *Očerok russkogo literaturnogog jazyka: učebnik dl’a vuzov* [A Study in the Modern Russian Literary Language: A Textbook for Higher Education]. Moscow : Yurayt (in Russian).

13. Stiiovich S. (1992). *Slavenizmi u Niegoshevim pesnichkim delima* [Slavicisms in the poetic work on Niegosh]. Sremski Karlovtsi : kn'izharnitsa Zorana Stojanovicha Press (in Serbian).
14. Unbegaun B. O. (1968). "Jazyk ruskoj literatury I problemy iego razvitia" ["The Language of the Russian Literature and the Problems of its Development"]. *Revue des Études Slaves*, 1968, v. 47, is. 1–4, pp. 129–134 (in Russian).
15. Vukashinovich V. (2012). *Srpsko bogosluhyenie: studije iz liturgijske teologije i prakse kod Srba* [The Serbian Worship: Studies from the Liturgical Theology and Practice of Serbs]. Vrnjачka banja : Eparhijski upravni odbor Eparhiје zhičke (in Serbian).

Кончаревич А. В. Гимнография на современном сербском языке: лексика, стилистика, интертекстуальность // Вестник Свято-Филаретовского института. 2020. Вып. 36. С. 58–79.

DOI: 10.25803/SFI.2020.36.4.002